

С. А. Никольский, И. Е. Кознова, Е. П. Аристова, Н. Ф. Калганова.
Интернационализм проекта «всемирного СССР» на примере аграрной политики 1918–1937 годов в России, Казахстане и Украине в его историческом, философском и художественном осмыслении. — М.: Голос, 2022. — 292 с.

В монографии на примере коллективизации, одного из наиболее масштабных исторических действий советской власти, показана и по возможности всесторонне осмыслена попытка большевиков подступиться к реализации их грандиозной цели — мировой революции и созданию «всемирного СССР». России вместе с присоединенными к ней добровольно или насильственно территориями в этом замысле отводилась роль первопроходца, вооруженного идеями «единственно верного» марксистского учения, примененного В. Лениным и И. Сталиным в конкретных условиях нашей страны. В отличие от сугубо исторических работ, массив которых огромен, авторы предприняли попытку дополнить исторические исследования философским анализом литературных и кинематографических работ современников событий. Книга состоит из Введения («Об онтологических и теоретических основаниях проекта “всемирного СССР”»), написанного С. А. Никольским, трех глав, Заключения и библиографии. Глава 1, в которой рассматривается ленинская идея «всемирного СССР» и аграрная политика большевиков после Октября, делится на два параграфа: «Политика “военного коммунизма” в России — модель будущей коллективизации в СССР» (С. А. Никольский) и «Новая экономическая политика в центральных районах и на окраинах СССР» (И. Е. Кознова). Также из двух разделов состоит и глава 2 «Коллективизация и осуществление идеи “всемирного СССР”» (название не слишком осторожно, ибо из него складывается впечатление о действительном осуществлении этой идеи). Разделы называются «Коллективизация в России и на Украине» (С. А. Никольский) и «Коллективизация в Казахстане» (И. Е. Кознова). Глава 3 «Коллективизация в философско-художественном осмыслении» состоит из двух подразделов: «Коллективизация и “всемирный СССР” в литературе России, Украины и Казахстана» (С. А. Никольский, И. Е. Кознова, Н. Ф. Колганова) и «Образ коллективизации в кинематографе СССР 1920-х — начала 1950-х гг.», написанный емко и выпукло (Е. П. Аристова). Книга, очевидно, создана к 100-летию СССР, которого не случилось. Остается все же не слишком ясным понятие интернационализма в аграрной сфере, когда многое в республиках подавлялось или насаждалось вопреки хозяйственным субъектам, и чем объясняется выбор только трех республик? Во всяком случае, представлены case-studies — определенный процесс анализа конкретных ситуаций.

СССР в достижениях и катастрофах. Размышления по случаю 100-летия. Материалы XIX ежегодной конференции Института философии РАН совместно с Ярославским государственным университетом им. К. Д. Ушинского с регионами России и международным участием «Проблемы российского самосознания. СССР

в достижениях и катастрофах. Размышления по случаю 100-летия» / Отв. ред. С. А. Никольский. — М.: Голос, 2022. — 504 с.

Феномен СССР, как пишут авторы в аннотации, — «уникальное явление в российской и мировой истории, возникшее как продолжение Российской империи и в равной мере как продукт творчества большевиков-ленинцев, рассматривается в его исторических, теоретических и философских предпосылках.

Явление в его генезисе, развитии и последовавшем примерно через 70 лет крахе анализируются философами, политологами, историками, культурологами, литературоведами и экологами».

Книга состоит из Введения и четырех частей, включающих в себя 22 статьи, посвященные следующим темам. Часть 1: «СССР и “всемирный СССР”. Замысел. Реальность. Крах» (С. А. Никольский. Статья, как видим, тесно связана с предыдущей книгой), «Мальчик был: источники и судьба советского антропологического идеала» (Г. Л. Тульчинский), «Советский Союз — цивилизация, основанная на единстве и противостоянии модернизации и социальной вражды» (Л. А. Закс), «СССР как осажденная крепость» (В. Н. Шевченко), «Социальные предпосылки формирования концепта “советский народ” в условиях отказа от политики “коренизации” (конец 1920-х — начало 1930-х гг.)», «“Дружба народов”: советское и национальное в СССР» (Т. И. Ерошкина), «Советская и политическая бездарность: к методологии исследования» (В. П. Макаренко, Р. Г. Акопян).

Часть 2: «Традиционные ценности: судьба их носителей как судьба культуры» (Н. А. Хренов), «Загадочная часть прежнего мира: какие “лодки” плавали в художественном море советской эпохи?» (Т. С. Злотникова), «Массовая культура и идеалы разума в контексте культового советского произведения “Повесть о настоящем человеке” Б. Н. Полевого» (Е. П. Аристова), «Между этносом и революцией: формирование национальной идентичности в 1920-е — начале 1940-х гг. (на примере Пензенского края)» (О. А. Сухова), «Охрана культурного наследия 1920-х годов как разрыв с дореволюционной культурной традицией» (Н. А. Личак), «Наука в контексте советских и современных российских реалий» (Т. В. Наумова).

Вся часть 3 посвящена Казахстану: «Особенности переселенческих процессов в регионах Северного Казахстана в конце XIX — первой четверти XX в.» (С. В. Самаркин), «Модернизация казахского аула в начальный период установления советской власти и слом системы общинного традиционализма» (Д. А. Качеев), «Уроки освоения целины» (В. И. Кирюшин). Эту статью хочется отметить, ибо она показывает две именно советские тенденции: 1) волевое насилие, которому подверглась Казахская Республика во время волевого же решения освоить целину; 2) скорость и талант научного решения проблемы после провала традиционных техник обработки земли. В целом не очень ясен акцент на Казахстан: советская власть проводила свою политику в 16, потом в 15 республиках.

Часть 4: «Дискурс насилия: от Ленина к Платонову» (Р. Ходел), «Густа Шпет: о революции, народе и человеческой личности» (М. Денн), «Семиотика советского бытия в кинематографе А. Балабанова» (В. А. Тирахова), «Репрезентация повседневности

в советском детском кино (опыт Р. А. Быкова)» (В. М. Куимова), «О выступлении Л. М. Леонова на II Всесоюзном съезде советских писателей».

Последняя часть показывает, что книга имеет неясную структуру: три последние статьи явно принадлежат части 2, а две первые вполне соотносятся с проблематикой части 1.

Книга предназначена для ученых, студентов, гуманитарной общественности.

Басинский П. Подлинная история Анны Карениной. — М.: АСТ, 2022. — 330 с. (52 иллюстрации).

Павел Басинский давно и плодотворно работает над изучением наследия Л. Толстого. «Подлинная история Анны Карениной» вполне может стать венцом его литературоведческой деятельности — и уж точно это самое успешное на данный момент его произведение, что подтверждает вручение ему премии «Большая книга». Работа Басинского, для начала, чрезвычайно обаятельна — она располагает к себе своим искренним тоном, захватывает полным погружением исследователя (и нас вместе с ним) в мир романа, в нюансы психологии его героев, в кропотливое воссоздание исторического контекста, объясняющего отдельные, малопонятные сегодняшнему читателю детали сюжета. От главы к главе, с их цепляющими, интригующими названиями, мы узнаем предысторию и возможные прообразы центральных персонажей и проходных, единожды упомянутых «для справки» фигур; углубляемся в догадки, что послужило источником авторского вдохновения для тех или иных сцен; входим в курс автобиографических обстоятельств, которые могли в не меньшей степени повлиять на складывание замысла «Анны Карениной», чем внешний фон. Басинский умело чередует фактологические изыскания и комментарии по существу дела, посвященные замыслу и смыслу истории, рассказанной Толстым. Он, несомненно, пристрастен и имеет смелость этого не скрывать, напротив, ярко демонстрирует, насколько симпатичны ему те или иные линии и характеры. Так, он явно сочувствует Каренину, хотя способен понять и истосковавшуюся по любви Анну; с прохладцей относится к Вронскому, выставляя его довольно смазанным и неопределенным. В любом случае, он непредвзято, по крупницам восстанавливает подробности жизни героев (намеренно, с его точки зрения, рассеянные Толстым по всему огромному пространству романа), чтобы сделать более понятными их мотивацию и поведение в узловых местах повествования, что вызывает восхищение и проясняет для нас события, хорошо известные, но которые мы, как правило, склонны принимать на веру. Каково значение танца в соблазнении Анны; почему Каренин не давал Анне развода; почему Анна ревновала Вронского, когда он вроде бы не давал ей для этого оснований; какова роль в драме Анны и «двух Алексеев» некоторых, по видимости, второстепенных персонажей романа — все это находит здесь четкое и разностороннее объяснение, равно как и многое другое. Басинский отвечает и на массу распространенных, часто всплывающих вопросов, вроде связи между «Анной Карениной» и «Мадам Бовари» Флобера или чем Толстой обязан в плане завязки сюжета Пушкину. Но в конечном итоге он делает главное — доносит до нас уникальность романа Толстого, этого подоби

планетной системы, составленной из трех основных персонажей и окружающих каждого из них спутников, которые своими взаимовлияниями создают сложный и хрупкий баланс сил целой авторской вселенной, так что нарушение его грозит катастрофой всей этой сложно и с любовью построенной реальности. Суть и секрет «Анны Карениной» не в демонстрации изощренности и запутанности человеческих отношений — мы обнаружим не меньшие по интенсивности страсти и не менее запутанные интриги в любой, наверное, мелодраме. А в масштабе — Толстой снимает свой конфликт сплошь крупным планом, пишет его как макрокосм, а не микрокосм, вот почему сравнение с космическими объектами в данном случае несколько не натянуто, и незримые мощные волны, колеблющие бытие героев, однородны с приливо-отливными силами или с роковыми астрологическими инфлюэнциями. Трудно с определенностью постановить, планировал ли он это с самого начала или так просто получилось — но так или иначе, у него вышла книга, до сих пор привлекающая внимание человечества своей грубоватой грандиозностью. Басинский, в первую очередь, говорит нам именно это, и позволяет себе не терять своей восторженной интонации прозелита толстовской гениальности, не прячась за отстраненностью и ровным тоном — этими привычными масками исследователя и критика.

Если все же поискать в «Подлинной истории...» недостатки, то — да, возможно, хотелось бы больше внимания к линии Левина (не то чтобы его в принципе не было); не хватает углубленного сравнения перипетий «Карениной» с другими толстовскими сюжетами, особенно с «Войной и миром»; отзывы иных великих представителей русской литературы на «Анну Каренину», приведенные Басинским под занавес, поражают, за редким исключением, своей бессодержательностью и тенденциозностью, и в этих своих качествах они должным образом не откомментированы; отдельной главы — если не книги — заслуживают одни только кинопостановки, от барочных виньеток эпохи немого кино до экспериментов в 3D, от старых добрых «романов дамы с офицером» до изысканных визуально-смысловых экспериментов Дж. Райта по сценарию Тома Стоппарда. Но, в конце концов, еще не вечер, и ничто не мешает П. Басинскому продолжить в самом скором времени свою одиссею по морям-океанам Толстого или, как минимум, вдохновить на нее следующие поколения исследователей.